

Сигнал с далёких вершин

Теодор Келли

Занятный факт: ломиться напролом на деле оказывается куда проще, чем в теории. Теоретически – впереди стены, скалы, пропасти, языковой барьер и ещё сотня-другая неучтенных препятствий. На практике же выходит, что стены неплохо прошибаются упрямым лбом, скалы можно нахрапом взять с разбега, пропасть – тем же разбегом перемахнуть, почти не ощутив её на пути, да и для языкового барьера тоже какой-нибудь из этих методов сгодится. Элемент везения, конечно, но какой-то особенно постоянный, от самого порога и вплоть до финальной точки маршрута.

Впрочем, загадывать насчёт "финальной точки" было несколько преждевременно. Эдак и сглазить можно.

Артист практически всю дорогу показательно дремал. Словно с царственным кошачьим пренебрежением вычеркивал дорожную рутину и всё с ней сопряженное, отказывался в ней участвовать. Встрепенулся он лишь под самый конец пути, когда, по прикидкам Теодора, заветный восточный монастырь уже вот-вот должен был показаться на горизонте. Когда предчувствие достигнутой цели концентрировалось в воздухе, становилось густым, как патока, и ему не хватало считанных минут, чтобы обрести зримые контуры. Только в эти мгновения Артист вновь оживился, и дальше они с Теодором шли вдвоём. Противоречивые кошачьи желания – то сорваться на бег и покрыть оставшееся дразнящее расстояние как можно скорее, то наоборот, припасть к земле и осторожно обстоятельно красться, прячась в высокой траве и разведывая каждый дюйм (а вдруг собаки? наверняка они здесь есть, вопрос лишь в том, где и сколько, и заинтересует ли их случайно встреченная кошачья душа), – путали Теодора, заставляя бессистемно ускорять и замедлять шаг. И финишный спурт получился в итоге совершенно рваным; не спурт даже – так, мешанина какая-то.

У ворот монастыря тихо и странно пусто. Конечно, Теодор не ждал увидеть встречающую делегацию, такая высокая планка ожиданий была бы самонадеянной и глупой. Но – совсем безлюдная тишина? Арка ворот выглядит так, словно сквозь неё может свободно пройти любой. Без стука, без приглашения, без разрешения. Есть нечто пугающее в этом безграничном гостеприимстве. Как будто сквозит от него уверенностью в том, что тот, кого не ждут, – не пройдёт, как бы ни хотел, и той защиты, что есть, будет достаточно, чтобы незваный гость не вошёл.

Окинув взглядом арку ворот ещё раз, Теодор замечает колокол и протягивает к нему руку. Цепочка, тянущаяся от языка колокола, на ощупь странно тёплая. Впитавшая в себя и сохранившая прикосновения десятков рук – от этого открытия Теодор легко соскальзывает к выводу: вот и способ попросить разрешение войти, найден. Звук колокола оказывается удивлённо высоким и неожиданно мощным, даже не режет, а разрывает тишину в клочья, когда Теодор тянет за цепочку.

Что ж, теперь дело за малым: осталось дожидаться ответа.

Елизавета Конашенкова

Жизнь Елизаветы отличалась приятной стабильностью. О доме она вспоминала все

реже, теперь совершая звонки раз в несколько недель, а может и месяц, - она не считает. В монастыре открывались новые возможности, очень интересные и удивительные, и было бы неправильно все это бросать, чтобы вернуться в материальный и скучный мир. Здесь была возможность обрести что-то другое, и эту возможность она схватила за хвост.

Она очень хорошо дружила с магией Земли, но еще в ней сидел зверь. Судя по круглым любопытным глазкам это была птичка-невеличка, но кто именно она не знала, склоняясь все-таки к ласточке. Ночью ей снилась именно ласточка. Сны сейчас стали хотя бы привычными, но все еще навязчивыми.

В этот день Лиза прогуливалась по территории, не зная, чем себя занять, и услышала привычный звук колокола. Так как она была близко к воротам, то направилась туда, чтобы вскоре увидеть молодого человека. Остановившись напротив, она поклонилась.

- Добро пожаловать в Линь Ян Шо, - сказала она на китайском, а затем произнесла эту фразу на английском. А то вдруг путник еще не знает китайский?

Теодор Келли

Пока звук колокола разносится по округе, но ответа на него ещё нет – Артист уже превращается в дрожащий от любопытства вектор "вперёд". Он хоть сейчас готов войти без приглашения и начать осматривать каждый угол, не смущаясь тем, что его ещё никто никуда не пустил. В противовес ему, самому Теодору приходится на какое-то время стать вектором "вниз", лишь бы только оставаться на месте. Каждый любитель лёгкой атлетики знает, что фальстарт грозит спортсмену дисквалификацией; Теодор же сейчас стараниями Артиста рискует получить фальсфиниш. И то, что в спорте такого понятия нет, никоим образом не гарантирует того, что здесь и сейчас Теодор не получит дисквалификацию за преждевременное пересечение финишной черты. Здесь совсем другие правила, и ещё только предстоит выяснить, как по ним играть.

Когда наконец в поле зрения Теодора появляется стройная девушка, она совсем не похожа на монашку. Вернее, на монашку в её классическом европейском облике. В отношении того, как должны выглядеть восточные монахини, у Теодора пробел и чистый лист, на котором что угодно рисовать можно с нуля. Нет даже ни одного заранее заготовленного стереотипа, который приходилось бы ломать.

Разве что некоторые общегеографические соображения подсказывают, что азиатские девушки не имеют солнечно-светлых волос, таких же светлых серых глаз и отчётливо европейских черт лица. Но это, опять же, наблюдение, которое Теодор пока берёт на заметку и не спешит на его основании переходить к выводам.

Правила, правила – нет, ничего с ними ещё не понятно.

Первые же слова, звучащие из уст девушки, заставляют Теодора напрячься и сдвинуть брови – слова звучат на китайском, а значит, время попытаться подобрать ключ к языковому барьеру. Что хуже, начало фразы для Теодора, почему-то возмутительно не готового столкнуться с китайским языком здесь и сейчас, размазывается совершенно. Можно только по общему тону сказанного, доброжелательно-теплому, что было сказано что-то стандартное и нейтральное,

вроде "добро пожаловать", "заходи, гостем будешь". Но прежде, чем Теодор успевает сгрести в кучу свои смутные обрывки китайского, чтобы ответить чем-нибудь встречно нейтральным и вежливым, как девушка переходит на английский. И это уже повод для того, чтобы расслабиться – отлично, языковой барьер исчез сам собой. Как оно, в принципе, примерно и происходило всю дорогу. Проблемой меньше.

Теодор с облегчением кивает ответ. И на том же английском отвечает: – Благодарю.

"Линь Ян Шо", говорит девушка, но это название ни с чем у Теодора не ассоциируется. Оно, конечно, отзывается в сознании всполохом, но назвать это "узнаванием" никак нельзя. Куда точнее будет определить этот всполох как иррациональное понимание того, что всё правильно и всё по адресу.

Артист тем временем рвётся внутрь сильнее прежнего. Кошачья душа оценивает девушку как хорошего человека. Как мягкую ладонь, в которую можно ткнуться пушистой макушкой и непременно получить свою порцию ласки. Теодор едва заметно улыбается этой оценке, но всё уговаривает Артиста потерпеть ещё немного (хотя внутри эти уговоры уже больше похожи на то, что человек придерживает пытающегося вывернуться кота за шкурку) – и осторожно пытается выпросить у девушки, но осторожность срывается в череду прямых вопросов: – Вы сказали – "Линь Ян Шо"? Что это за место? Вы здесь живёте? Учите? Гостите?

Елизавета Конашенкова

Лиза растянулась в довольной улыбке. Несмотря на то, что китайский она уже более-менее знает, английский ей дается легче. К тому же этот молодой человек ответил на английском.

- Линь Ян Шо, - кивнула девушка, снова улыбнувшись. - Это монастырь, загадочный монастырь, в котором только избранные могут найти ответы на свои вопросы. Если в вас есть что-то необычное, то вам суждено найти этот монастырь. А раз вы уже здесь, то добро пожаловать.

Девушка снова поклонилась, а потом отошла в сторону и сделала приглашающий жест рукой, приглашая молодого человека на территорию.

- Меня зовут Лиза, можно Лиззи, Елизавета, я из России. Приехала сюда несколько лет назад из-за пробуждающейся в себе магии Земли. У нас есть ученики, те, кто учится, и мастера, те, кто обучает. Есть еще те, кто просто живут. Я из последних. Я вас не загрузила?

Девушка перекаtilась с пяток на носки и обратно и посмотрела на молодого человека, снова улыбнувшись.

Теодор Келли

Слова, которые произносит девушка, по отдельности понятные, совсем не сложные и даже где-то примитивные, вместе неожиданно складываются в удивительный узор. Станный, как будто вырванный из другой реальности, но вместе с тем – гипнотически притягательный, в него так и хочется поверить. И в клеймо "избранности", и во вместилище ответов на все вопросы. Последнее, правда, несколько омрачается тем, что вопрос сперва нужно придумать – у Теодора же он не

то чтобы не придуман вовсе, но уж явно не сформулирован, плавает в воздухе едва намеченными контурами. И вертится вокруг смутно определимой "границы" собственных возможностей: как сейчас чётко её провести и что лежит за её пределами? Обязательно что-то лежит, Теодор давно это чувствует.

"Граница" – вот оно, слово, найдено. Граница – это про мозг, и все сковывающие ограничения находятся в голове. Нужно их обрисовать, чтобы потом начисто стереть; кропотливо вылепить, чтобы потом разрушить без остатка и шагнуть в прекрасное светлое "дальше".

Но это всё, конечно, ещё совершенно не сейчас.

– Значит, только избранные? Звучит лестно, – улыбается Теодор. Откликается на приглашающий жест, делает шаг на заветную территорию монастыря и уже там развивает мысль дальше: – Получается, вы тоже избранная?

Конечно, да, и девушка не медлит этим поделиться.

Первое, что выхватывает Теодор из её речи – в монастыре есть некая своя, принятая внутри терминология, в которой не худо бы разобраться. Лиза роняет слова "магия земли" так легко и привычно, словно это что-то совершенно обыденное. Что-то насквозь прозрачное, предельно ясное в своём значении – тогда как Теодор весьма туманно представляет себе, что скрывается под этим сочетанием слов, и не прочь узнать больше.

К части про обучение Артист относится презрительно: и так учёный. Он умеет ходить по верёвке, стоять на задних лапах, плавать и есть сырую картошку. И ему едва ли требуются для совершенства ещё какие бы то ни было умения. Теодор же, напротив, едва ли не делает стойку на эти слова: в них ему чудится намёк на тот самый шаг за очерченную границу. На то самое преодоление предела собственных возможностей, преодоление многократное – и требуется сделать над собой усилие, чтобы соблюсти правила приличия и обоюдную вежливость, а не сразу галопом мчаться дальше по затронувшей нерв теме: – Приятно познакомиться с вами, Лиза. Меня зовут Теодор. Так вы говорите, мастера ведут здесь обучение? – Непривычная терминология пока плохо ложится на язык, но Теодор упрямо приучает себя к ней прямо с порога. Раньше начнёт – раньше управится. – И чему же именно обучают – это ведь не секрет? Вы вот учите "магию земли" – а что-то ещё, кроме неё, есть в вашей учебной программе?

Елизавета Конашенкова

В этом молодом человеке было что-то странное, что почему-то заставило ее держаться подальше от него. Это что-то было связано с ее звериным обликом. Почему-то ее птичке-невеличке стало некомфортно рядом. Значит, этот молодой человек тоже оборотень? Какой-то зверь, который может поймать ее птичку?

Девушка мотнула головой и решила вернуться в реальность, в которой ей задали вопросы, на которые нужно ответить.

- Теодор, - произнесла девушка, - мне тоже очень приятно с вами познакомиться. Пойдемте, я вам покажу и расскажу про этот монастырь.

Девушка направилась в сторону столовой, чтобы угостить путника едой, а по пути поговорить с ним, ответить на его вопросы. На улице было тепло, дул ненавязчивый ветерок.

- Ну, здесь нет такого, чтобы прям учиться, и оценок здесь тоже нет. И вообще, всем как-то пофиг, чем ты занимаешься. Главное, не заниматься членовредительством, не курить и не пить на территории монастыря. Иногда здесь проходят разные мастер-классы по каким-то дисциплинам, можно самим заниматься. Можно попросить кого-нибудь об индивидуальном занятии.

Она на секунду остановилась и задумчиво посмотрела под ноги. Площадку пересекал жучок, и девушка вздохнула. Интересно, а есть кто-нибудь, кому не повезло со звериной сущностью, и он превращается в такую маленькую букашку.

Переступив через насекомое, Лиза направилась дальше.

- Вот тут, - она указала рукой в сторону тренировочной площадки, - можно развивать силу тела и духа. Здесь проходят занятия по воинским и боевым искусствам. А вот тут, - она показала на большой храм, мимо которого пролегал их путь, - можно заниматься чем-то спокойным, требующим усидчивости. А мы идем туда, - она показала на столовую, - вы, вероятно, проголодались и устали с дороги.

Теодор Келли

Перемену в поведении девушки Теодор замечает, но не успевает уловить, в какой момент это происходит и что именно служит причиной. Лишь чувствует, как заметно остывает доброжелательность Лизы – не до арктического холода, конечно, но ощутимо проседает на несколько градусов. Как будто девушка пытается отгородиться от Теодора – от чего-то, что может произойти по его вине.

Да в чём дело?

Артист недоумевает не меньше. И тихо раздражается – как будто нежная девичья рука, уже готовая трепать его по голове и чесать за ухом, вдруг отдёргнулась, оставив после себя лишь неприятное недоумение и прохладную пустоту. Пообещала и не женилась, ага. Теодор старательно убеждает кошачью душу в том, что это глупо. Что каждый встречный-и-поперечный вовсе не обязан немедленно изливать любовь и ласку на первого же попавшегося кота. Особенно когда того кота и не разглядишь вовсе, не угадаешь в человеческом теле. Артист уступает довольно быстро – но всё равно, отзвук его недовольного урчания остаётся словно бы дрожать в воздухе. И, конечно, делает своё чёрное дело. Не критично, но искажает и портит впечатление от общения.

– Лиза, - зовет Теодор. И без тени смущения просит: – Лиза, я ещё и трёх минут не провел в Линь Ян Шо. Если здесь установлены общепринятые правила поведения, то мне они пока неизвестны. Поэтому очень вас прошу: если я что-то делаю не так и это вас тревожит, просто скажите мне об этом. Хорошо? – Играя по незнакомым правилам, рано или поздно непременно их нарушишь. И Теодор предпочитал за такую ошибку сразу получить по лбу, но впредь её не повторять, нежели наступать на одни и те же грабли снова и снова.

Или проблема была не в каких-то гипотетических нарушенных правилах, а в самом Теодоре. Этот вариант, конечно, был куда менее приятным; его не исправишь, просто сказав "о'кей, я понял, больше так не делаю".

В остальном же, если не считать этой повисшей в воздухе неприятной

недосказанности, первая поверхностная экскурсия по территории Линь Ян Шо проходит гладко. Лиза рассказывает о том, как в монастыре устроены жизнь в целом и обучение в частности, а Теодор слушает, кивает и ставит мысленные галочки: не пить, не курить, других обитателей не бить. Звучит несложно. С правилами жизни ясно. Вот в части обучения сложнее: его концепция пока по-прежнему для Теодора плавает в густом тумане. Лиза выделяет в качестве мест для обучения тренировочную площадку и высокое здание храма, Теодор же незамедлительно уточняет: – То есть, грубо говоря, на тренировочной площадке изучают кунг-фу, а в храме занимаются... допустим, каллиграфией? Я верно понимаю? – Ему гораздо легче привязаться к конкретным примерам, чем к несколько более громоздким и абстрактным описаниям.

Но примерно в этот момент Лиза переключает его внимание на другую, по-своему даже более важную тему.

– Туда, – кивает Теодор и на мгновение хмурится, добавляя несколько новых штрихов к карте, которую пытается сложить у себя в голове. Картограф из него откровенно невеликий, даже когда дела не нужно иметь с настоящей, физической картой, а потому и местность обозначена весьма условно: храм туда, ворота сюда, а по-хорошему, пройтись бы здесь ещё несколько раз, чтобы всё запомнить как следует. – Да, благодарю вас! Вы совершенно правы, я и впрямь голоден, – правда, из двоих в значительно большей степени проголодался Артист. И то, скорее всего, до тех пор только, пока не увидит обед, а там немедленно выяснится, что вовсе не это он имел в виду.

Елизавета Конашенкова

Лиза была настолько увлечена рассказом о монастыре, что и не заметила, как молодой человек ее окликнул. Обратила на него внимание только когда закончила свою пламенную речь об этом монастыре. Виновато закусил губу, почувствовала на щеках румянец смущения, и опустила голову, стараясь притвориться столбом. И если бы не интенсивное мыследумание, происходящее в ее голове, она могла сойти за столб. Красивый блондинистый столбик с серыми глазами.

- Ну, правила - это штука достаточно своеобразная, - произнесла она, снова глядя на молодого человека. - В монастыре есть самый обычный распорядок дня, он висит на доске объявлений в жилых корпусах, - Лиза указала рукой на видневшиеся строения, а потом снова посмотрела на Теодора. - Здесь не стоит драться, только на тренировочной площадке, и то в качестве тренировочного поединка. Не стоит использовать магию кому-нибудь во вред, а то могут выгнать из монастыря. Ходят слухи, сто если тебя выгонят, то ты больше не увидишь это место.

Лиза вспомнила Ичиро, который пострадал из-за действий Артема, когда они что-то строили. Вроде бы Артем больше не появлялся в монастыре, а Лиза слышала, что он кому-то говорил в деревне, что теперь просто не видит это место.

- Да, все верно. Пусть будет кунг-фу, но там еще много всего есть - можно и палками помахать, и из лука пострелять, даже фехтованием заняться. Я не частый гость на площадке, но, если что, в глаз тоже дать могу. А в храме можно заниматься медитацией, каллиграфией. На втором этаже есть хорошая библиотека, так что всем книжным червякам найдется, чем там заняться. И... - Она задумалась, как бы правильно сформулировать мысль, попутно продолжая идти к столовой, - в вас

живет зверь? Что-то не очень большое, но хищное? Я относительно недавно открыла в себе способность к оборотничеству, но пока не превращалась. В общем, моя птичка немного побаивается вашего зверя.

Наверное, это надо было сказать раньше, но ей было важнее рассказать о монастыре, ответить на какие-то вопросы. Тем временем они дошли до столовой, и девушка поставила перед гостем миску с рисом и мясом, а также положила палочки и вилку.

- Приятного аппетита, Теодор, - сказала она, присаживаясь напротив.

Теодор Келли

Теодор, похоже, продолжает делать что-то не так и не туда, только никак не выпепит, что именно. Почему-то его совсем незамысловатая просьба зелёного новобранца вгоняет Лизу в краску и едва ли не в оцепенение. Хотя с чего бы? ничего такого страшного для неё в этой просьбе нет. Наоборот, это Теодор сам первый должен заливаться краской и смущаться от того, что просит девушку, по сути, почём зря лупить его по голове и поправлять, возможно, в элементарных вещах. По идее, тут бы гордость должна страдать от самой возможности раз за разом попадать в подобную ситуацию – но нет, не страдает почему-то. Зато Лиза краснеет, и прячет глаза, и выглядит так, будто Теодор брякнул что-то неприемлемое и сам того не заметил.

И на просьбу она в итоге не отвечает никак: ни согласием, ни отказом, ни комментарием. Только начинает по новой рассказывать о правилах, кое-где повторяясь, а где-то, наоборот, выдавая новую информацию. Теодор ставит череду мысленных галочек: ага, есть общий распорядок дня, надо с ним свериться и от него не отставать. Своевременно разгонять облака, устанавливая хорошую погоду, совершать подвиги и всё такое прочее. Ага, за драки могут выгнать, да так, что захочешь – обратно не вернёшься, это интересно. Это даже уже нездоровая мистика какая-то.

– Не думаю, что у меня будут проблемы с последним пунктом. Я в принципе не имею понятия о том, как использовать магию, не говоря уже о том, чтобы целенаправленно с её помощью кому-то навредить, – легко пожимает плечами Теодор. Конечно, он ещё и намерений таких не имеет, но полное отсутствие возможности в данном случае будет первично. Вот возможность подраться просто так, по-плебейски, без применения магии у Теодора как раз есть, и здесь уже первую скрипку играет полное нежелание зарекомендовывать себя перед обитателями монастыря в первую очередь с помощью тяжёлых кулаков. Тем более, перед такими обитателями, как Лиза, которая уже на полном серьёзе заявляет, что может при случае зарядить недругу в глаз. Теодор даже останавливается на миг, почти спотыкаясь об это заявление. Растерянно улыбается, окидывает Лизу взглядом – с высоты почти двухметрового роста Теодора она выглядит так, словно скорее сама первая об него расшибется, пока будет тот глаз выцеливать кулаком, – но быстро берёт себя в руки и с полной серьёзностью кивает: – Я вас услышал, Лиза. Что ж, приложу все усилия, чтобы не подавать вам повода выбить мне глаз.

И только после этого из медленно раскручивающегося диалога наконец показывается причина неуверенности Лизы. Ах вот оно что – всё дело в Артисте. У

Лизы тоже двойная душа, человеческая и птичья, и нежная птица боится хищного кота.

Артист отвечает негодующим мявом, такой громкости, что, кажется, и Лиза должна этот вопль возмущения услышать. Артист не чует рядом никаких птиц, тем более — не чует ни единой птицы в Лизе и начисто отказывается понимать, в чём его обвиняют. Но и с опасениями девушки не поспоришь: потенциально кот способен свернуть шею некрупной птице, опровергать здесь нечего. Теодор принимает к сведению, что нужно впредь быть осторожнее с птицами, да и вообще с животными на территории монастыря (как знать, много ли здесь двоедушников и какие души у них), и соглашается: — Вы правы, зверь не очень большой, но хищный. Это кот, и его зовут Артист, — наверное, не самое логичное, что из ни разу не компактного Теодора после превращения получается не самый крупный, гибкий кот, но тут уж ничего не попишешь, возможности выбрать себе вторую душу, более подходящую по габаритам, никто никогда не давал. — Но обещаю вам, Лиза: ни я, ни Артист не причиним вам вреда, в каком бы облике вы ни были.

За разговорами молодые люди добираются до столовой, где Лиза немедленно с ловкостью фокусницы организует для Теодора, почти что колдует рис и мясо. Юноша кивает в ответ: — Благодарю, — и расплывчато интересуется: — Вы не присоединитесь? — а пока Теодору неловко жевать в одиночку, Артист уже вовсю принюхивается, составляя своё мнение о здешней кухне.

Елизавета Конашенкова

Теодор предложил ей присоединиться к нему, и она положила в миску немного риса и села напротив него. В принципе, есть она любила, да и если целый день носиться по монастырю с целью все и везде успеть, хотеться кушать будет всегда, и как хорошо, что сейчас желание поесть совпало с возможностью это сделать.

- Значит, вы превращаетесь в кота? А говорите, что не знаете, как использовать магию, - улыбнулась девушка. - Хотя с превращениями, наверное, не очень правильно сравнивать стихийную магию, но никто просто не пробовал. И да, я знаю, что никто здесь никому не причинит вред, просто моему животному некомфортно. Хотя я даже не знаю, мне самой некомфортно находиться рядом с кем-то из оборотней. Но я стараюсь не обращать на это внимания, поэтому извиняюсь, если я вас смутила, - она взяла несколько зёрен риса и стала их жевать с задумчивым видом. А потом подумала, что неплохо ещё что-нибудь рассказать.

- Монастырь этот очень древний, я не знаю, сколько ему лет. Но лет сорок-пятьдесят назад, ну или около того, его нашли трое путников. Один из них наш настоятель, а двое других - его ученики. Они восстановили монастырь, и теперь здесь достаточно много обитателей с разными судьбами. Если брать мою историю, то о монастыре мне рассказал папа. Я тогда сильно переживала, что не смогла поступить в школу полиции, и так как мне нечего было терять, я решила отправиться на его поиски. А об этом монастыре папа навёл справки потому, что я могла чувствовать землю. Я как-то почувствовала, что цветам на клумбе во дворе неуютно, предложила пересадить их в другое место. Да и с растениями мне находиться было интереснее. А здесь уже начала открывать в себе свою вторую сущность.

Лиза замолчала и снова стала жевать рис. Наверное, она слишком много говорит, но ей нравилось болтать с людьми.

Теодор Келли

Несмотря на то, что последний вопрос Теодора получается неопределенно размытым и вообще как-то странно повисает в воздухе, у Лизы не возникает ни малейших сложностей. Девушка немедленно извлекает откуда-то – и по-прежнему чудится, что из небытия, из одного только чистого волшебства – ещё одну порцию риса, садится напротив Теодора, и так сидеть становится уже гораздо уютнее. Так одинокий набег дикого гунна на столовую превращается в ламповый маленький обед.

Который Артист, правда, с царственной кошачьей капризностью бракует. Рис его вообще никогда не вдохновлял, и сегодня не исключение. Но если в плане еды всегда строго согласовываться с Артистом, то придётся перейти на очень странную диету. Поэтому в данном случае на капризы кота лучше не обращать внимания.

– Не назвал бы это магией, – усомнится Теодор, хотя по-серьёзному спорить с Лизой ему нечем. Только собственными туманными представлениями о том, как действует двоедушничество и как в этой системе всё устроено. И в этих представлениях Артист выглядит слишком живым и настоящим для того, чтобы в конце концов оказаться лишь магическим наваждением. Примерно с тем же успехом можно заявить, что сам Теодор – всего лишь магический выхлоп, а на самом деле настоящий здесь кот, просто предпочитает этого не показывать и искусно маскируется. Как здесь отделить первичное от вторичного? Всё равно что воду в реке пытаться разделить на два сорта, первой и второй свежести. Теодор даже и не пытается, воспринимая себя и Артиста как единое целое – да, две души, но раз уж они оказались надёжно и навсегда сцеплены друг с другом, то уже не имеет смысла вести войну за территорию, ревностно охранять каждый дюйм границы и пытаться выбить друг друга из одного на двоих тела.

Ну, а после принятия мысли о "едином целом" уже попросту странно одну из частей этого "целого" брать и объявлять чужеродным сгустком магии. Эдак ничего не сойдется. Да и в любом случае, Артист был бы разве что обаятельной магией, но никак не боевой и калечащей.

Речь Лизы об оборотнях тревожит Теодора преимущественно тем, что звучит она как аксиома, с которой ничего не сделаешь и которую никак не пошатнешь. И хочется как-то убрать этот дискомфорт из общения, но в условии задачи даны оставленные на одном берегу реки птица и кот, которых никак не научишь сосуществовать в мирной гармонии и любить друг друга, тем более – за короткий срок.

Впрочем, дальнейший рассказ Лизы содержит очередное заявление, переворачивающее всё с ног на голову.

– Вы поступали в школу полиции? – в первый миг Теодор ушам своим не верит, цепляется слухом за эту фразу, грянувшую вдруг, как гром среди ясного неба, и дальнейшие слова девушки слышит уже не так чётко, – но поверить приходится, и очень быстро. Лиза сочетает внешнюю тонкую хрупкость с абсолютной тяжёлой серьёзностью, и про школу полиции рассказывает так же ответственно, как ранее обещала дать в глаз за плохое поведение. Такими темпами, недалек тот час, окажется, что её пугливая птица – это какой-нибудь весьма конкретный неподатливый ястреб, и тут уже Артисту придётся чувствовать себя некомфортно и вообще ноги (лапы) уносить. – Лиза, вы полны сюрпризов. Чего ещё мне от вас ожидать? Вы уверены, что это ваша птица должна бояться моего кота, а не

наоборот? Потому что я, признаться, начинаю в этом сомневаться, — и вся потенциальная магическая сила, сокрытая в монастыре, как-то меркнет и отходит на второй план, пока Теодор с искренним интересом смотрит на Лизу, не желающую согласовываться со спокойной, даже где-то унылой обыденностью, безо всякой магии разрезающую повседневность чудесами и, кажется, готовую в любой момент делать это снова и снова.

Елизавета Конашенкова

- Вы тоже думаете, что такая нежная и маленькая девчонка не может поступить в школу полиции? - Усмехнулась Лиза, увидев, что ее рассказ достаточно сильно заинтересовал молодого человека. Точнее даже не заинтересовал, а поставил в тупик. Впрочем, обижаться на него она не могла, так как большинство людей думает, что ей не стоило идти поступать в школу полиции. Она же маленькая, худенькая, и с преступниками ей не справиться.

- Не переживайте, я вас не собираюсь есть, да и каннибализм не приветствуется в большинстве обществ. Но я не поступила в полицию, да и теперь не хочу этого. Мне здесь хорошо и спокойно, - ответила девушка, доедая свой рис. Заварив вкусный чай, она поставила перед Теодором чашку и села напротив.

Теодор Келли

— Я не сказал ничего про "не может", — возражает Теодор. С одной стороны, ему совершенно не хочется лезть в долгий вязкий спор "что могут и не могут девушки", потому что кажется вполне очевидным: иные девушки, такие, как Лиза, способны на очень многое, загоревшись идеей. Как минимум стандартный список из коня на скаку и горящего дома, а дальше — как знать, ведь границ, кажется, никто никогда не измерял. — Просто вы меня удивили. Согласитесь, школа полиции — это не то направление деятельности, которое чаще прочих выбирают... нежные маленькие девушки. — Теодор колеблется перед тем, как произнести последние три слова. Но у самой Лизы, похоже, нет проблем с такой формулировкой, раз она смело её использует. Поэтому можно с некоторой долей уверенности утверждать: нет ничего страшного в том, чтобы её повторить. — Но, знаете — мне кажется, если бы вы остались на этом пути, то добились бы всего, чего хотели. Вы производите впечатление очень... стойкой девушки, — Теодор колеблется, выбирая один эпитет из десятка вертящихся у него на языке. Среди них, может, и есть те, что отражают его восприятие Лизы куда точнее, но нет никакой гарантии, что они девушке хоть сколько-нибудь понравятся. О звучании слов во всех смыслах забывать нельзя. — Но что же заставило вас изменить решение? Если, конечно, я могу задать вам такой вопрос?

Артист за возней человеческой души с хитросплетениями слов следит с нескрываемым презрением. Звучит, не звучит, можно или нельзя сказать девушке, мало или не мало знакомы для чересчур или не чересчур прямых вопросов — все это кажется кошачьей душе бессмысленным и утомительным. Все равно что десятью кругами ходить там, где можно взять да напрямую подойти. Теодору же, напротив, ломиться вперед не глядя будет неприемлемым, ему бы сперва весь лед вокруг прощупать в поисках возможной полыньи. Это одна из тех точек, где человеческая и кошачья душа расходятся во взглядах почти диаметрально, но это им, по счастью, друг в друге не мешает.

Зато в чем человеческая и кошачья душа сходятся безоговорочно – это в том, что "нежная и маленькая" никак не означает "беззащитная". Конечно, это все не самые полицейские качества. Но это не отменяет того, что нежность и маленькость – тоже своего рода оружие, и тоже по-своему грозное. Даже такую оглоблю, как Теодор, этим оружием можно оглушить с легкостью, если правильно подойти. Лиза подходит скорее правильно, чем нет. Вряд ли она делает это специально, скорее, просто привычное ей поведение, удачно сочетаясь с ее хрупким внешним видом, дает нужный эффект, производящий должное впечатление. Теодор и впечатлен, тут скрывать нечего. Артист же примерно с порога грезит о том, как теплая девичья ладонь будет гладить его по макушке, а ловкие пальцы – чесать за ухом, он впечатлен тем более, да еще и гораздо раньше и дольше, от него тем более какого бы то ни было сопротивления ждать нечего.
